

Василий ШУКШИН:

ПРОЗА И ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ

Шукшин сумел задержать за живое, пробыть в нашей душе и заставить нас потрясенно спросить: «Что с нами происходит?»

Воздействовать на человека, совершенствовать человека, говоря правду о нем, — вот назначение искусства. Но, чтобы воздействовать на человека, нужно быть понятным, услышанным. Этого жаждал Шукшин. Этого он достиг.

Популярность Шукшина — кроме всего прочего — и показатель того, что его услышали. Шукшин расшевелил людей, уже одним своим присутствием в искусстве не оставляя никого равнодушным.

При жизни Шукшин становился легендой. Когда он ушел от нас, поняли: «Мы — люди, потрясенные Шукшиным...»

О чем еще может мечтать художник? Василий Шукшин принадлежит к той плеяде русских художников, которые не чуждались проповеднической миссии в искусстве в лучшем смысле этого слова.

И, может быть, за кино Шукшин «держался» не только потому, что получил профессию режиссера, а и потому, что долгое время верил в способность кино повлиять сразу на многих.

В последние годы жизни он пришел к окончательному убеждению: «Суть дела и правда жизни таковы, что книга работает медленно, но глубоко и долго».

Глубоко и долго... Вот в чем дело. Кино — искусство быстротечное, а литература — «вечное». Проходят годы, одни фильмы приходят на смену другим, а настоящая проза «крепко стоит и долго живет», она «остается жить во времени, в душах людей».

Литература способна влиять не на одно поколение людей. А это главное. И, может, тогда Шукшин записал в рабочей тетради: «Самые великие слова в русской поэзии: «Встань, пророк, и

видь, и внемли... Глаголом жги сердца людей».

Не в этом ли видел свою духовную миссию Василий Шукшин?

2.

Герой Шукшина оказался не только незнакомым, а отчасти непонятым. Любители дистиллированной прозы требовали «красивого героя», требовали, чтобы писатель выдумывал, чтобы, не дай бог, не растревожить собственную душу.

Полярность мнений, резкость оценок возникали, как ни странно, именно потому, что герой «не выдуман». А «когда герой не выдуман, он не может быть только безнравственным или только нравственным. А вот когда он выдуман в угоду кому-то, чему-то, тут он, герой, — явление, что ни на есть безнравственное. Здесь задумали кого-то обмануть, обокрасть чью-то душу...».

Не стюди ли, от непонимания творческой позиции Шукшина, идут ошибки в восприятии его героев? Не забывая славительной формулы о «сложности мира художника», порой не хотели замечать, что сложность эта не от стремления разукрасить позатейливее своих героев, а неизбежно следствие отражения сложности самой жизни.

В героях Шукшина поражали непосредственность действия, его логическая не-

РАСТРЕВОЖЕННАЯ ДУША

предсказуемость: то неожиданно подвиг совершит, то вдруг сбегит из лагеря за три месяца до окончания срока.

Сам Шукшин признавался: «Мне интереснее всего исследовать характер человека-недогматика, человека, не посаженного на науку поведения. Такой человек импульсивен и крайне естествен. Но у него всегда разумная душа».

Герои Шукшина действительно импульсивны и крайне естественны. И поступают так они в силу внутренних нравственных понятий, может, ими самими еще не осознанных.

У них обостренная реакция на унижение человека человеком. Эта реакция приобретает самые различные формы. Ведет иногда к самым неожиданным результатам.

Пытался унижить Кольку Скалкина и насладиться своей властью зануда Синельников, а тот взял пузырек с чернилами и вылил на его белый костюм («Ноль-ноль целых»).

Сбежала от Ивана Петина жена с офицером, оставив унижительную записку («Иван, извини, но больше с таким пенком я жить не могу...»), и он схватил «раскаленное перо», чтобы спросить: «Как же так можно?!» («Раскасы»).

Обошла боль от измены жены Сергью Безменова, и он отрубил себе два пальца («Беспальный»).

В таких ситуациях (здесь мы их взяли в «чистом» виде) герои Шукшина могут даже покончить с собой («Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»). Нет, не выдерживают они оскорблений, унижения, обиды...

Обидели Сашку Ермолаева («Обида»). «Несгибаемая» тета-продавец нахамил. Ну и что? Бывает. Но герой Шукшина не будет терпеть, а будет доказывать, объяснять, прорываться сквозь стенку равнодушия. И... схватится за молоток. Или уйдет из больницы, как это сделал Ванька Тепляшин, как это сделал Шукшин

(«Кляуза»). Очень естественная реакция человека совестливого и доброго...

Нет, Шукшин не идеализирует своих странных, нелугучих героев. Идеализация вообще противоречит искусству Шукшина. Но в каждом из них он находит то, что близко к ему. И вот уже «не разобравшись», кто там вызывает к человечности — писатель Шукшин или Ванька Тепляшин.

И дело тут не только в фактических совпадениях рассказов «Ванька Тепляшин» и «Кляуза». Когда материал взят из самой жизни, такие совпадения не редкость. Дело в том, что за эпизодом из жизни героя, почти до мелочей совпадающим с эпизодом из биографии самого Шукшина, стоит одна личность, для которой правда жизни — главный критерий искусства.

С одной стороны — герои ищущие, неравнодушные, совестливые, добрые.

С другой стороны — сытые, «кустожившиеся», довольные собой.

Герой Шукшина, обеспокоенный красотой церквушки, возгорится, захочет ее отремонтировать («Мастер»).

А «крепкий мужик» возомнит себя «важным деятелем с неограниченными полномочиями» и превратит церковь в «безобразную грудку кирпича» («Крепкий мужик»).

Герой Шукшина будет ошибаться, сгорать от любви, выдумывать вечный двигатель. Жадать «праздника души». А сытенький и кругленький ханжа и бризга Бав «средним шахком отшагал шестьдесят три годочка и был такой».

Шукшинский герой, сталкиваясь с «узколобым гориллой», может в отчаянии схватиться за молоток, чтобы доказать неправоту свою правоту, и сам Шукшин может сказать: «Тут надо сразу бить табуреткой по голове — единственный способ сказать хаму, что он сделал нехорошо».

«Хозяин» бани и огорода с его непробиваемой нравственной тулупостью готов за три морковки извучить.

Это чисто шукшинская коллизия, когда правда, совесть, честь не могут дока-

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Исполняется 60 лет со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. Почти все отечественные издания публикуют статьи, посвященные замечательному писателю, выходят книги о его творчестве. Одно только Алтайское книжное издательство выпускает в этом году четвертый том пятитомника В. Шукшина (подготовка В. Горна), книгу «Он пошел на свою Родину» (земляки о Шукшине), сборник стихов «Непросто говорить о Шукшине», второй выпуск сборника «Шукшинские чтения».

В преддверии памятной даты публикуем статью критика Виктора Горна [гонорар за нее по просьбе автора перечисляем музею В. М. Шукшина в селе Сростки] и вспоминаем поэтессу Нину Веселову.

К 60-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. ШУКШИНА

КАЖДЫЙ год перечитываю Шукшина. Каждый год роюсь в не-большом своем архиве, где храню давние вырезки из журналов и газет, еще только предвещавших его славу. Как случилось, что из множества имен, окружавших меня в студенчестве, я выхватила и признала родным именно это имя?

...Вышла поздним вечером из кинотеатра «Коллизей» на Невском после просмотра герасимовского фильма «У озера». За спиной возбужденно обсуждали строительство на Байкале целлюлозно-бумажного производства и недоумевали: как это Шукшин согласился играть роль губителя природы? Сегодня очевидно, что строительство было катастрофической ошибкой. Но тогда большинство зрителей размышляли больше не над этой проблемой, а над любовной историей главного героя, равно как и я, двадцатилетняя, далекая от государственных забот. И симпатии к несчастливому герою Шукшина переходили в симпатию к самому Шукшину...

— А как не будешь играть? — продолжался разговор позади. — Актерам тоже есть надо!

— Но у него ведь и другой хлеб есть — сам режиссер, да еще и писатель!

Вот так случайно я узнала о Шукшине самое главное. И жила с той минуты и до последних дней писателя в постоянном ожидании его фильмов, его публикаций. Помню показ «Странных людей» в Ленинграде, в крошечном кинотеатре на Лиговке. Помню скептические ухмылки своих университетских однокурсников по поводу его рассказов, появлявшихся, казалось, до неприличия часто. Почему была другим, доверительным тоном произнес, глядя куда-то вдаль, сквозь прозрачные оконные шторы.

— Неважное, в общем, у меня настроение. Хочется верить, что нужно кому-то, что делаешь. А тут... Верить, конечно. И все равно. Тяжко! Вот обругали на Алтае мой фильм «Печки-лаовчик»...

Шукшин достал из внутреннего кармана пиджака конверт, стал разворачивать письмо и газету, словно я могла не поверить в его пересказы.

— Отстал, говорят, я от жизни деревни, не так, мол, уже все у меня на родине! И люди совсем не такие, как у меня. Расторгив. Очень, говорят, глуповат он и решен однобоко: пристрастие к выпивке, ревность да болезненное самолюбие. И вообще фильм не завершен... Я молчала, боясь с чем-то согласиться или не согласиться и помешать этому внешне запущенному откровению, на которое в тот вечер совсем не рассчитывала.

А Шукшин, сам себе отвечая, продолжал: — Лепет какой-то! Уж молчали бы, если не чувствуют, не понимают, что этот человек выше их во многом!

И он снова с исповедального тона перешел к речи страстной, точно не я, ученически ему внимающая, сидела напротив, а его идейные противники, не видевшие, не понимавшие вещей очевидных: — Ох, как много на свете мещанства! Океан мещанства, пошлости, сытости, самодовольства! Да всякий простой работяга-шофер лучше многих высоких чинов, которые только и дрожат за свой кусок. Ведь нормальный человек, было бы здоровье, прокормить себя всегда сможет. А им, вознесшимся, каждому хочется, пока можно, урвать кусок полегче, поладше да похирней. В том и беда. А настоящих русских людей мало осталось. Но они есть! Вот их-то и хочется показать...

Возвратившись мыслями туда, где мы находились, — на Вологодчину, в Белоозерск, на съемки «Калины красной», — Василий Макарович добивал как-то неожиданно спокойно, почти равнодушно: — Вот и теперь мне, наверно, опять будут мешать, станут держать фильм. Опять герой не передовик!.. Но я буду умнее. Не стану нервничать, пусть как будет:

у нас такая несходная реакция на его голос? Или уже тогда, в семидесятом, были мы незримо поделены на тех, кто сегодня счастлив перемены, и тех, кому так неудобно пристраиваться к нашему шагу? Похоже, что так. Но тогда, полтора десятилетия назад, мало кто сознавал, что все мы уже находимся в закупоренной душевной комнате. А та прохлада, какая ощущалась вдруг и воспринималась как желанный ветер перемен, — она производилась, оказывается, некоторыми активными, не умевшими рваться на свободу, но усердно гонявшими по кругу спертый воздух... Шукшин же был истинным потоком свежести, открытым окном в большой прекрасный мир, где все ценности — извечно на своих местах и где ни к кому и ни к чему не пристраиваются, а если приходится терпеть, то терпят до конца.

Когда случится вдруг минута истинной тоски о нашем будущем и сердце — обманно или вечно? — сожмется в предощущении страшной, всеобщей катастрофы, как завистливо думается о тех, кого уже нет на свете. Не приведи господи дожить до такого мига! Но сегодня, теперь, когда так много надежд взошло в нас робко и доверчиво, как жаль, как мучительно жаль, что этих надежд не дождался Василий Макарович! Не о них ли он мечтал, не их ли готовил, сжав зубы в надрывающее сердце?

Его очень легко отнесли в критике к разряду «чуждинок» — вместе с героями. Ведь никто нормально — то бишь, застойно — мыслящий не шумел и не нарушал идиллии всеобщего существования, не мутил воду, не рвался в бой. Над тобой не каплет, и молчи — приблизительно но так рассуждало большинство, инак

пуста — не пустяк. Главное, что года три я себя обеспечил и можно будет спокойно писать.

— Но ведь не получится не нервничать... — робко вставляла.

— Попробуй! А то измотался. И эста, как собака, не тронь меня! И не пущается ничего, не делается. Уехал в Сибирь поработать — вызывают! То «да» то «нет». Измучили...

— А как же тогда «Разин»?

— Не знаю, — Василий Макарович сумрачно мотнул головой, — не знаю, буду ли теперь вообще снимать, дадут ли. Роман у меня в «Совиссе» вон уж сколько держат!

— Из-за чего?

— Не нравится, видно, то, что делаю. Им передовиков подавай. Да и перегорел где-то внутри «Разин», боюсь теперь братья... Вот из «Характеров», из сборника, — семнадцать рассказов выкинули, уже печатавшихся! А ведь было у меня построение, тон, подбор был! Ничего не осталось...

И опять я молчала, страстно желая разделить, облегчить его страдания и понимая, что никто не в силах этого сделать. А он, словно убоявшись, что такими жалобами дает мне повод для уныния и отступления, произнес вдруг сжато и решительно, будто восприняв незаметно для меня испосланные ему свыше новые силы: — И все равно надо писать. Писать независимо от того, пойдет в печать или нет. И не думать о редакторах! Писать! Чтобы быть честным. Перед собой. Перед людьми и перед Богом...

Так и впечатались в мою память эти слова — как заповедь, которой я старалась потом следовать. Много лет минуло. И только сегодня осознала, как мало я понимаю из того, что говорил мне Василий Макарович, как была наивна, простодушна, доверчива ко всему, что делалось и писалось вокруг. Что делать — дитя своего времени... Дай-то бог, чтобы его, времени, отмеренного мне, еще хватило на серьезные, сознательные дела. И благодарение житей, что есть в моей судьбе тот свет, которым все и донныне освещается.

Нина ВЕСЕЛОВА

ВОЛОГДА

не дожили бы мы до такого дня, когда почти рухнула общая крыша.

Какой мерой измерить нравственный подвиг Шукшина, не убоявшегося показаться изгоем, не усомнившегося в ощущении Правды! И каким кокетством, наверное, казались многим нечистым на руку его слова, так свято звучащие сегодня, что он не политик, легко может запутаться в сложных вопросах, но как рядовой член партии коммунистов верит: принадлежит к партии деятельной и справедливой. Еще он говорил, что как художник не может обманывать свой народ — показывать жизнь только счастливой, например, Правда бывает и горькой.

Теперь-то мы знаем: именно благодаря им, не отчаявшимся, мы и дожили до дней, осененных надеждой. А уж о цене помолчим: ушедших не вернуть. Зато есть возможность подтолкнуть на правильный путь тех, кто пока блуждает в потемках. И без Шукшина тут делать нечего. Вот почему всегда так остро во мне желание снова и снова перечитывать знакомые строки. Вот почему снова и снова всплывают в памяти недолгие — но определившие мой путь — разговоры с Василием Макаровичем.

...В июне 1973-го мы сидели вечером в полупустом ресторанчике Белоозерска, намереваясь совместить ужин с традиционным интервью о съемках фильма. Я достала свой блокнот и приготовилась писать.

— Я не знаю, Нина, что и говорить тебе, правда.

— А я сейчас соображу сама...

— Ну, сообрази, сообрази!

— О Толе, например, Заболоцком раскажите. Почему вы все время с ним работаете?

— Ну, не все время, допустим, всего вторую картину. Что о нем сказать? Интересно работает... Земляки мы с ним, из Сибири он, сосед... Что еще?

— Ну, о взаимопонимании.

ЗАПОВЕДИ

зять, что они — это они. А хаму так легко, так просто укорить совестливого человека.

И все чаще столкновения героя Шукшина становятся драматическими для них. Шукшина многие считали писателем комическим, «шутейным», этаким специалистом по «чуждикам». Но с годами все отчетливее обнаруживалась односторонность этого наблюдения, как, впрочем, и другого — «благодушной бесконфликтности» произведений Шукшина.

Между рассказами «Светлые души» и «Кляуза» — пропасть. Мы видим, как меняется фокус. Наводится резкость. Все больше требований предъявляет Шукшин-человек, все тревожнее становятся его размышления о нравственном состоянии человека. Все чаще он ставит своего героя, человека доброго и совестливого, в условия, требующие всех душевных запасов добра и стойкости, чтобы не сломаться, не поверить, что ультрасовременная нахрапистая дрянь и есть лицо нынешнего времени, а совесть и порядочность безнадежно устарели.

Многие образы, возникшие в сказке «До третьих петухов», дружным строем прошли перед читателем в рассказах Шукшина раньше и собрались наконец вместе, чтобы встать на пути Ивана-дурака. «Я боюсь чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла» — это идет от Шукшина, это выстрадано им и проходит через все творчество.

В своем путешествии сталкивается с недолгим для него силой Иван, уступает ей, терпит нравственные унижения. И опять бессильная злость Ивана напоминает нам то ли Ваньку Тепляшина, то ли Сашку Ермолаева, то ли Василия Шукшина. ...Возвращается «кругом виноватым» Иван в библиотеку — и вдруг вскрипает: «Нам бы не сидеть, Илья! Не расслаживаться бы нам!».

Не сидеть, не расслаживаться, не ждть, пока «энергичные» мудрецы, хамы и прочая и прочая... окончательно не втопчут в грязь наши души. ...Что же все-таки с нами происходит?

3.

Только значительность личности художника сообщает значительность его творения. Никакой изысканной литературной техникой, изощренной формой не прикрывать ограниченности умственной и нравственной. Высокие слова имеют цену тогда, когда обеспечиваются чувством и судьбой.

Шукшин с самого начала своего творческого пути и всю жизнь мучительно размышлял над вопросом: «На каком основании вообще человек садится писать?». И пытался ответить на него: «Самая потребность взяться за перо лежит, думается, в душе растревоженой».

— Есть оно, я думаю. Есть... Ну, не знаю я, Нинон, что говорить! Ты уж сама там что-нибудь сочини, а? Понимаю я, что у тебя тоже работа, надо это. Только ты уж сама! Знаешь, где все эти вопросы о целях, идеях, замыслах? В-во!

И он резанул себя по горлу. Официантка не шла. Василий Макарович посмотрел на часы, потом на меня и снова опрокинулся взглядом в себя.

— Хочется ведь что? Человека показать. Огромного, русского, настоящую силу, цельность, честность. Вот — такой вот он, человек настоящий! У него судьба такая тяжелая, что он честен, открыт и говорит то, что есть. Не как другие. И хотят сказать, да подумают сначала, что им на это скажут. Сидят в президиумах, наклонив пустые головы, и мнят о себе невесть что! А дела-то плохо идут на Руси! Плохо, чего скрывать... Ты-то как на жизнь смотришь? Как работаете?

— Как?.. Стыдно сказать, а за годик уже подрабочаровалась. Чувствую, что придется немножко и халтурить. Начну про человека писать — среди какой красоты живет, о чем думает, а мне говорят: давай про уборку, про передовика обязательно!

Василий Макарович с лютым вниманием слушал и подхватил тут же:

— Во-во! Им все передовиков подавай! А что — передовики? Сегодня один, завтра другие, не это важно, что они — в деле передовые. Может, и дело-то их никому не нужно! Человека надо показывать, душу его, потому что она — главное. Все проходит, а остается то, что вечное. Меня вот не волнует, например, что по Луне там что-то ходит. Мне сосед мой намного интересней. И о нем надо писать, раз мы уж люди... пока мы есть на земле... Человек — он во все времена человек, и это всегда будет волновать...

Василий Макарович помолчал, прищурившись, и, словно ища поддержки, уже

Вообще, то, что мы называем художественным мастерством, для Шукшина вовсе не имело самодовлеющего значения. Скорее наоборот.

«Мастерство есть мастерство, и дело это неживное. И если бы писатель-рассказчик не сразу делал (старался делать) это главным в своей работе, а если главным оставался его жизнь, то, что он видел и запомнил, хорошее или плохое, а мастерство бы потом приложилось к этому, получился бы писатель неповторимый, ни на кого не похожий. Я иногда, читая рассказы, понимаю, что рассказ писался для того, чтобы написать рассказ...»

... Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа.

Шукшин думал о человеке и хотел сказать важное для жизни. Все, что могло увести читателя от главного — правды жизни, правды характера, правды души, — безжалостно отбрасывалось писателем.

Ему была близка мысль А. Толстого: если хочешь что-то сказать, скажи прямо. Шукшин в искусстве видел не эксперимент, а «возможность насущного разговора».

Здесь необходимо сказать следующее. В рассказах, написанных в последние годы, все чаще звучит страстный, искренний авторский голос, обращенный прямо к читателю. Шукшин заговорил о самом главном, наиболее обнажая свою художническую позицию. Он словно почувствовал, что герои не все могут высказаться, а сказать обязательно надо. Все больше появляется «внезапных», «невдуманных» рассказов от самого себя — Василия Макаровича Шукшина. Такое открытое движение к «несмысленной простоте», своеобразной обнаженности — в традициях русской литературы. Тут, собственно, уже не искусство, а выход за его пределы, когда душа кричит от своей боли. Теперь рассказы — сплошное авторское слово. Интервью — обнаженное откровение. И везде вопросы, проблемы. Самые главные — о смысле жизни.

В старших интервью, рассказов — один и те же. Шукшин словно торопился рассказать самое главное. Напрямую.

Правда, совесть, жалость, добро — вот те истины, на которых держится мир Шукшина. Простые, но вечные истины. «Если мы чем-нибудь сильны и по-настоящему умны, так это в добром поступке», — говорил он.

Прямо в тебя, в твою душу смотрит с портрета чуть усталый, пронзительный взгляд: «Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть... Мы один раз, уж так случилось, живем на земле. Ну так и будь ты повнимательнее друг к другу, добрее...».

С этим жил, в это верил, это проповедовал Василий Шукшин.

Виктор ГОРНА

БАРНАУЛ